

Иней души
Иоланта Сержантова

12+

Иоланта Ариковна Сержантова Иней души... Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29604112

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-907035-07-2

Аннотация

В такт поездам, что проезжают мимо...К 170-летию ж/д платформы Беляево Усманского района Липецкой области (Усманского уезда Тамбовской губернии), основанной в 1848 году при строительстве Николаевской железной дороги.

Акт...

Как метроном. Вне ветра. Лист кленовый
Туда-сюда вершит ладоней такт,
А рядом мир – весёлый, бестолковый
С листа, с природы, обнажённый акт*.

И, не стыдясь укоров совершенства,
Едва ступив на мир из темноты,
Быть человеком тщиться вздох блаженства,
С которым был мгновение "на ты".

—

*– (нем. Akt)

в изобразительном искусстве изображение обнаженной
человеческой фигуры; то же, что ню.

Бросил ветер листья оземь
Не со зла. То просто осень
Отворила дверь ненастьям.
Где им, бедным, знать про счастье
Счёт вести унылым дням.
Человек не так упрям.
По течению судьбы
Он плывёт. Идём и мы.
Похрустеть тропинкой, лужей...

Отутюжен ветром, сужен
Наш единый трудный путь.
Ладно. Сдюжим как-нибудь!

17 июля 2017

Софит заката, свиток той дороги,
И неба клин, и облаков отрог,-
Единороги, эльфы недотроги,
О чём сказать и мог бы, да не смог,-

Всё ныне тут. Но кто, имея право,
Оправдан им, не долгом, в том ли толк.
Весны упрёк, и безнадежность славы.
Под громкий плач, когда оркестр умолк.

Жизнь – вероятность. Но не теорема.
Кому и что ты должен доказать?
Иль сочинить, на заданную тему,
И разобрать по смыслу "быть" и "стать"...

3 и. ня 2017

Полощешь взглядом утра полотно,
Следишь за тем, как грива леса
Податлива под ветреной рукой
И волнами топорщится, повеса.
Ему постылы: дня покой,

Лугов распахнутые окна,
Болота, тем, что вечно мокнут
И мир, что выдуман давно,
Но не придуман ключ к его разгадке.
Висит лишь связка для порядка...

1979, март – 27 мая 2017

Твоей руки прикосновение
На мне оставили следы.
Их незаметно появленье
При свете дня и суеты,
Но стоит ночи опрокинуть
Сосуды с капельками звёзд,-
Следы в отчаяньи застынут
Из рук к тебе построив мост.

Вот так в девичестве писала,
Почто меня терзать за то?
Была. Пыталась. Не устала.
Уже познала – кто есть кто!

Nota Bene

Рецензент издательства "Молодая Гвардия" сделал пометку к стихотворению:

"Синяки?!!" (1979 год)

А всё не так...

Снегирь, как капелька калины.
Но не вблизи, с дороги. Длинной
Нам мнятся жизни, реки, дали,
Но правы мы слегка, едва ли.
В ответ Е2 лишь Е-четыре?
А всё не так, не в этом мире!
В дыму ли, в дымке, на пиру,
И оперённым – быть перу.
Да пусть ему всё будет в пору.
Без лишних слов и разговоров.

Аленький цветочек

На носу каникулы, на щеках веснушки,
Листьями, поникшие, томик Фета, Пушкина.
Где вы, руки девичьи, слёзы и объятия?
Убежали школьницы в платяницах к приятелям.

Расстарались авторы, тормозят сознание,
Между строк, по-девичьи, – встречи-расставания.
Кто-то смыслом жизненным укоряет маленьких.
Им нужна лишь искренность и цветочек
аленький...

Бестактен дождь...

Бестактен дождь. В нём нет ни рифмы и не меры
Ему не нужно репетировать премьеры.
Он регулярно представления даёт
И, как отмочит, барабаня, как зальёт...

И тротуары станут уже, шире лужи.
И зонт поломанный окажется так нужен
А дома душ, шотландский плед и тёплый кофе.
Да...дока дождь, профессор дождь и он же – профи.

Прозрачен профиль у него и как резинкой
Следы стирает и года, одной слезинкой.

Бой

Скрестили шпаги в схватке два оленя.
Бой барабана – дятлу виден бой.
Капель с листвы и оземь сок осенний:
Ленивый Largo-Lento-Grave строй.

В пылу, хрипя от боли, стать награды
Трагическим усилиям подстать,
Стоит поодаль, ей пока не рады.
Она – помеха, ею может стать.

Смогла. Дорога уже, чем казалась.

Удар насквозь не мог остановить
А счастье было рядом, эка малость,
Всего-то шаг, мгновенье жить-не жить.

Под одеялом нежности, о, други!-
Себя храните, сколько хватит сил.
Предательство страданий и недуги,-
Не то, к чему готов наш хрупкий мир.

Бухта Инал

Небо над морем
венами молний
мерно тревожит
смирных у берега чаек,
пасущих напуганных рыб.

Кто-то не может
Глади на море дожждаться,
Кто жив только штормом,
волны полосканьем.

В вечном движеньи исканий,
Плещутся, делая гладкими,
Плоскими, приторно гадкими
Горы готических глыб.

В лесу

Изображая ржание кобылы
Там ствол скрипит, едва живой, но милый.
Так много мимо. Было. И прошло.
В его тени, под сенью, всё уж в прошлом
И на покой. Но думать о хорошем
Ему никто, ты знай, не запретит!
И пусть оно пылает впереди,
В камине страсти, и теплом печи,
Но мы о том забудем. Промолчим.
Чтоб никому не делать больно. Грустно...
Чу!-ветер! Хруст. И место стало пусто...

В манере дятла...

В манере дятла, ветка бьёт по ветке.
Всё просто, метко, важно. Небо в сетке
Фарфоровой натруженной эмали,
Чьей жизни – на глоток. Поверх – едва ли,
Играет ветер горстью липкой пыли,
Её с сосны дожди случайно смыли.
Трава измята, слизень, жук, цветочек...
Лизнёт мышонок бурый пень, листочек,-
И сыт, и весел. Всем вокруг доволен.

Пока способен, так, на поле воли.
Нетороплива жизнь под негой снега,
Коровка божья посреди забега
Зевает, мёрзнет, медлит... Засыпает!
Всё это так. Случается. Бывает.

Слеза дождя, держась за ветра лонжу,
Снежинкой – на ладонь. Неосторожно...

В прострации

В прострации тесно от мыслей и грусти,
Там хор на эмпорах несчитанных звёзд,
А пустошь к себе никого не подпустит,-
Лишь вереск и мхи. Ни дубов, не берёз.

Опустится долу накидкою мака
Дороги железной гравийный откос.
Вся жизнь из препятствий, намёков и знаков.
Понятий которых ещё не дорос.

Весенняя метель

Сдаётся, мне привиделась весна.
Со сна природа ею показалась,
Но отказалась быть собой она.

Возможно... вероятно, что зазналась.

Сугробы по колено, ветра вой,
С испугом дрозд теснится к некой круче...
Лишь накануне та была собой,-
Кустом зелёным. Ярким и пахучим.

А ныне всё остыло и бело.
Всё! Что цвело, благоухало или пело,
Тяжёлым снегом споро замело.
Так, как весна умеет – неумело...

Видения

Пни, что лежали вдоль дороги,
как черепа, единороги
Их побросали в те века
Когда нуждались в том. Слегка
Их жалость мучила. Как сбруя.
И в радуге полдневных струй
Им жажду было утолить
Так просто, как воды испить
Нам из гранёного стакана,
Но рано утром. Позже – странно
Искать той радости глоток.
Сосновой стружки завиток

И кружки толстый край – губами,
Да лист калины пусть пристанет
Своей морщинистой рукой,
Даруя долгий непокой...

Вне игры...

Неон холодных светлячков не он.
И стон немой произнесён не мной.
И двери ночи приоткрыл просвет.
Ты о любви не говорил? Да нет.

На фоне розовых монет зари,
Пятак серебряный луны горит.
И негатив того, что внял в ночи,
О том он нам не рассказал. Молчит.

А грусти голос, как терновый куст.
Он вял и мягок, безнадёжно пуст.
Чем тише он, тем жёстче встреча с ним.
Мы любим мало, чаще лжём и мним.

И мимо нас, пролив в рассвет кисель,
В проливе утра стали сны на мель.
Предвидя ночь, о ней не упредить,
И раны дня нам рано беречь.

Победный вопль всегда похож на бред,
Соль жизни жизнь, а не венок побед.
И рифы рифм важны до той поры,
Пока мы вне навязанной игры.

Воронеж 2017

Город намётан разметкой дорожной.
Гордо стоит. Вовсе неосторожно.
Крошево зданий старинных почётно:
Брошено, скошено, неподотчётно.

Плечи опущены у тротуаров.
Траур по городу. В век мемуаров.
Видели? Помните? Знаете? Трогали?
Дроги прошедшего помнят немногое.

В краске облупленной славное прошлое.
Совы и львы,— это милое пошлое.
Тошно, приехать, а всюду — неон.
Где ты, мой город?! Но это не он...

Воспоминаний бойкое перо...

Воспоминаний бойкое перо.

Ему во всём вольготно, славно, впору.
И в пару им – на всё своя пора,
И всё так споро, ладно, смело, в гору...

Под нежным слоем правды – лжи кора
И горы не содеянных фантазий
Немного вздора, меньше, чем добра
И много разных всяких безобразий

Отчётливые слепки всех обид,
И гроздьями – упрёки недовольства
Стыда гримаса – лишь бы сделать вид
И жажда всех на свете удовольствий...

Но – стыдно жить, стараться, на показ.
Оно недолго, призрачно, мгновенно.
Исчезнет, как улыбка с чьих-то глаз.
Так просто. Как у всех. Обыкновенно.

Время...

Бусины мороженных томатов,
Лечо с перца терпким ароматом,
Сок надежды зреет в винных гроздьях,
Хлеб – вчерашний. Осень будет в гости!

Разбросала кое-где визитки:
Ткань, пергамент, вензелей корзинки.
Скань саней надменной королевы...
Днём – жара, ночь под луной дебелой.

Мы себя от лета быстро прячем,
Без него же мёрзнем, хнычем, плачем:
Ветер треплет шторы серых ливней,
Я ж хочу на море, ждать прилива.

Там на горизонта влажных пальцах,
Гобелен заката мягким пальцем
Расправляет время. То, что мимо.
Всё, что ускользнуло, стало милым.

Время

Есть некто, набивающий упорно
Суму свою слезами и сединами,
Где гаммой соловей полощет горло
Дождей весенних плотными гардинами.

Себя мы все не слушаем, внимаем.
Да всё о чём молчим, друзьям не каемся.
И в зеркале себя не привлекаем,
Хотя мы стать другими не стараемся.

Там дятел разбивает время в ступке,
Потворство лени и фрагменты зависти.
Мне, травести, приятны незабудки
Быть взрослой не умею и не нравится.

Голубое...

Голубая бабочка, небо голубое
Мох в мохнатых тапочках топчет нежно хвою
Ожерелье вечера, горсть росы в корзинке,
Плёл паук беспечный поперёк тропинки

И от делать нечего чей-то сын в тельняшке,
Изжевал все листья и разбил все чашки.
Листья – прошлогодние, чашечки – цветка...
День ушёл, негодник, как пройдут века...

Голубое утро

Снег кругом. И утро голубое.
Красота такая... Словно снится!
Этим цветом смотрит в полдень море,
И перо у сойки им струится.

Руки веток в тоненьких перчатках,

Лапы хвой в варежках. Без спроса
Их не снять, но может быть в начале,
С солнцем в марте, как уйдут морозы.

И тогда-то, сбросив все одежды,
Без надежды вымолить прощенье.
Будут плакать льдинки. Так, небрежно,
Наслаждаясь влагой, как отмщеньем.

Гравюра...

Гравюра. Снег на фоне ночи
Чертил деревья между прочим
Что он , шурша, изобразил,
По мере хрупких влажных сил,

Что им получены. Немного?
Не нам судить. Шутя ли, строго,-
Никак! Не наше это дело,
Как нам того бы не хотелось
Не нам о том в миру судачить.
Что сами можем?! Напортачить,
Испортить! Или любоваться.
Хоть этим можем оправдаться.

Гравюра... снегом... ночью... братцы...

Нам можно даже не стараться.

Де

В последнем па – де* рок-н ролла,
Берёзы стынут и дрожат.
Стыдясь себя– прозрачных, голых
И хрупких – стоит поднажать.

Они во след порывам ветра,
Стремятся вон, навеки прочь,
Но держат их всего два метра
Земли, так утро держит ночь.

Берёзы стынут, стонут, плачут,-
Всего-то в метре от зимы.
Нет, к счастью, мир неоднозначен
И в нём важнее всех не мы.

День..

Чей нынче день?
У золотого утра
дары потерь:
Эмали небо
с пеной паутины,

Что облако,
теряя,
обратило

Покатый свод, разрушив безупречность...
Вот так. К чему сторонняя беспечность
Приводит мир и миг его. Напрасно.
Но может быть и это в нём прекрасно?

День рождения... чей-то!

Все ото всех чего-то ждут.
Пера ли лёгкого , услуги,-
в том нет вины или заслуги.
Часы той жизни, что идут
Всегда гарантию имеют.
Мы ж не несём! А те ржавеют,
От нашей в жизни простоты.
Коль здесь, то веришь: вечен ты!
И в человеке та беспечность,
Как молоко звезды в пути:
Конечна даже бесконечность,
Успеть бы там себя найти...
Дети...

С мокрого после грозы куста чистотела, как с горки, скатываются птенцы.

Раз за разом! И кричат так же громко, как дети...

Зелёный

жемчуг

незрелых вишен -

Обижен,

Что обойдён вниманием светила.

"Чем? Я! Ему! Не угодила!?" -

Твердит в тумане, как в дыму,

Но не отвечают ему.

Под натиском отходчивой грозы,

Всерьёз воспринявши намёки и угрозы,

Куст чистотела сник,-

Так скоро, чуть не вмиг...

Он развлекает птичью детвору,

Что катится по мокрому бугру,

И гомон радостный сияет, однозначный,

Да жаль, что тает смысл, как день у-дачный...

Детство

Мне не хватило плюшевых игрушек,

Игры в войну, где содраны коленки,

В индейцев, где брататься кровью лучше,
Прищурившись, как от молочной пенки.

Играть с медведем никогда не поздно,
С самим собой и впрямь немного стыдно.
Я никогда не стану злой и взрослой,
И слушать правду до сих пор обидно.

Тот длинный выдох, на виду у солнца,
Округи, от дождя промокшей сильно,-
Грустить опасно! Как опасен стронций,
Быть любящим – не быть любвеобильным.

Дождями смыты вишен кулачки...

Дождями смыты вишен кулачки,
А гроз демисезонных фейерверки
Прошлись по нам, да не по нашей мерке.
Сверчок под печкой, отыскав очки,
Пожав плечами, вскоре ждёт морозов,
Ночей холодных, сонных водовозов,
Склероза знаки, звёздочек значки...
Дождями смыты вишен кулачки.

Дом Музы

Дом Музы – не музейные полотна,
Удобней ей болото бытия...
Комок событий из того, нытья,-
Когда соседу не дают житья...

Комод непарный сер, замучен стирками халат,
Любимый том из Чехова зачитан и измят,-
Всё то, чем жизнь набита плотно-плотно.
Бесплатно, безгранично, бесподобно!

Дом Музы – не музейные полотна,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.